

18+ **Гитонина Мифтахова**

В поле КОЛОСОК,

или
Как поймать за хвост
птицу счастья

Антонина Мифтахова
В поле колосок, или Как
поймать за хвост птицу счастья

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55559367

ISBN 9785449889683

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Родители постоянно лезут в вашу жизнь? Дети в школе хватают двойки, не помогают по дому? Муж не проявляет внимания и любви? Вы в пучине депрессии и уныния? Не знаете, где ваше место под Солнцем? Не отчаивайтесь, вы не одиноки! Автор книги искренне и с юмором делится, как она решала эти непростые задачи. Правдивые истории из жизни обычной женщины читаются на одном дыхании, вдохновляют на перемены, придают силы, чтобы **ВЗЯТЬ** жизнь в свои руки И **СДЕЛАТЬ** её счастливой!

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	18
Глава 3.	30
Глава 4.	39
Глава 5.	44
Конец ознакомительного фрагмента.	51

В поле колосок, или Как поймать за хвост птицу счастья

Антонина Мифтахова

*Посвящаю моим детям – Егору, Глебу
и Надюшке.*

*Все истории основаны на реальных событиях,
но с долей выдумки.*

Все совпадения прошу считать случайными.

Фотограф Ольга Конюхова

Редактор Надежда Ворониченко

Корректор Венера Ахунова

Дизайнер обложки Александр Грохотов

© Антонина Мифтахова, 2020

© Ольга Конюхова, фотографии, 2020

© Александр Грохотов, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4498-8968-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1.

Деревня

Желтый запорожец катил по грунтовой дороге, лихо объезжая ямы и булыжники, оставляя за собой длинный шлейф пыли.

Я с недовольным видом сидела на заднем сиденье авто и подпрыгивала на каждом ухабе, не прекращая ни на миг вытягивать из гобеленового чехла сиденья разноцветные нитки. Чехол держался из последних сил, плетение было плотным, но я, тоже не лыком шитая, сдаваться не собиралась.

Нитки отвлекали меня от тошноты.

Поездки в машине были настоящим мучением. И для меня, и для родителей.

В дороге меня укачивало и мутило. Поэтому маме или папе приходилось то чистить салон, то срочно тормозить на обочине. А потом придерживать за плечи, пока меня выворачивало слюнями на придорожные камни и траву.

С детства я знала, что космонавтом мне не быть. Можно и не мечтать. Я и не мечтала. Далеко не загадывала, меня интересовало, как ухватиться за петлю плетения так, чтобы вытащить нитку подлиннее.

Папа вез меня «на побывку» в деревню, к своим родите-

лям.

Я хмурилась по этому поводу.

С одной стороны, ладно, можно наиграться с животными – там собака, кошка и глупые курицы. А с другой – в деревне было скучно и немного одиноко.

Баба и дед, занятые хозяйством, со мной почти не общались. Дед только спрашивал, как дела в школе. А бабушка сплетничала о соседях, кто с кем сошелся и кто как живет – можно подумать, эти темы интересны ребенку.

В деревне мне быстро надоедало, и я чуть ли не со второго дня ждала, когда закончится мое недельное гостевание.

В очередной раз подпрыгнув на кочке (ого, чуть не коснулась головой крыши!), я посмотрела через лобовое стекло и деловито объявила:

– Скоро приедем! Я помню, что впереди еще три поворота, потом мост. А там уже и наша деревня.

Отметила про себя: «Надо не забыть зажмуриться!»

Железный мост со старым деревянным полусгнившим покрытием выглядел жутко. Я боялась, что как только передние колеса коснутся досок, те скрипнут в последний раз, треснут, разверзнется дыра и машина ухнет вниз на дно бурлящей речки.

Но если закрыть глаза, то можно представить, что ничего этого нет. Машина просто скачет по рытвинам. А может, и вовсе не машина, а карета с прекрасной принцессой несется по камням булыжной мостовой, а за ней мчатся лихие зло-

деи...

Пока обдумывала, почему случилась погоня, машина преодолела мост. Стало не страшно, и я открыла глаза.

Ничего не изменилось: те же столбы вдоль дороги, деревянные ставни на окнах, заборы с облупленной краской, дрова навалены у ворот. Папа то и дело аккуратно притормаживал, уступал путь копошившимся в придорожной пыли курам и ленивым коровам, которые задумчиво брели по дороге и оставляли за собой большие плюхи «лепешек».

Я посмотрела по сторонам. Поискала глазами знакомых собак. Где же вы, беспородные деревенские сторожа с одной кличкой на всех? Любая собака в деревне звалась Шариком. Ни одного романтического Джека или Ассоль. То ли дело мой выдуманный друг – пес по имени Рэм. Уж я постаралась дать ему красивую кличку!

У зеленых деревянных ворот машина остановилась. Папа коротко пикнул сигналом «мы тут!», откинул переднее пассажирское кресло и высвободил путь мне наружу.

Калитка справа от ворот распахнулась, и, обгоняя встречающего нас дедушку, выскочил «наш» Шарик. Черная лохматая собака запрыгала вокруг меня, ткнула носом в ладони – искала угощение. Пес помнил, что я тайком подкармливала его мясом, выловленным из тарелки со щами. Я удивилась, что собака не на цепи. Обычно днем Шарик охранял двор, а отцепляли его только вечером, и он носился с соседскими псами по улицам. Мне всегда казалось странным, по-

чему собака не караулит двор ночью. Разве воры лезут в дом днем?

– Тихо, шельмец! – прикрикнул на него дедушка. – Вы подумайте, какой прыткий – голову из ошейника вытащил да и рванул гостей приветствовать.

Со двора показалась бабушка, она шагала ко мне, завязывая платок на ходу. Суетливо приобняла за плечи: «Приехала! Надолго? А у нас как раз кошка окотилась, будет с кем возиться». Я смущенно пробормотала, что как всегда – на неделю.

Дед хотел было открыть ворота, чтобы загнать машину во двор, но папа махнул: «Не надо. Я только Тоню привез. Сейчас поеду обратно».

Оставив взрослых выгружать мой нехитрый багаж да обсуждать новости, я взбежала по ступенькам в деревянный дом, который помнил еще прапрадедов. Открыла тяжелую дверь, прошла через сени в светлую комнату. Около двери в углу стояла русская печь, свежевыкрашенная белой краской. Потрогала ее рукой, шершавая стенка холодила руку. Обычно топили печку только зимой, чтобы согреть дом, а готовила еду бабушка на электрической плитке.

По полу пробежали тени от листьев старой рябины, что росла в палисаднике. Вдоль окон тянулась широкая лавка. На правом ее конце восседала огромная кастрюля.

Первым делом я подняла крышку, заглянула внутрь и увидела под вафельным полотенцем две буханки серого и две

буханки белого хлеба.

«Ура! Моя любимая еда. Бабушка даст варенье и молоко. Корочку белого хлеба отрежу для себя. А куски серого буду таскать во двор. Накрошу курам, суну теленку, угощу бес-толкового Шарика – хоть дурак не понимает, что значит „дай лапу“, но не бродить же ему голодным?»

Закончив инспекцию дома, выбежала обратно на улицу, чтобы успеть проводить папу. Он, как и предупреждал, всего минут десять посидел с дедом на ступеньках крыльца, обсудил «то да се» и уехал домой. Я помахала ему вслед, а потом взяла гусиное крылышко, которое бабушка использовала вместо веника, и смела со ступенек пыль. Белые перья топорщились, ломались, застревали в щелях щербатых досок.

Потом пошла искать котят, чтобы поиграть с ними. Бабушка сказала, серая кошка – настоящая крысоловка! – око-тилась в сарае. Нашла: два черных котенка прятались от куриц и драчливого петуха. Я их поймала и не выпускала из рук до вечера, они царапались и кусали меня белыми тонкими зубками.

Солнце закатилось, и по всей деревне началась подготовка ко сну. Куриц загоняли в курятники, коров запирали в сарае, собак спускали с цепи.

Здесь все укладывались рано. В пять утра бабушка вставала подоить корову, а потом дед отгонял криворогую буренку с полными тугими боками в общее стадо на пастбища в луга.

Мне спать совсем не хотелось, но спорить я не стала, уже

запомнила, что городские порядки тут были не в чести. Поэтому разделась и легла. Дед оставил возле моей кровати горшок: «Это если ночью захочешь... чтоб во двор не идти».

Под одеялом я прятала котят. Пыльные пушистики пахли молоком. Тыкались мокрыми носами мне в ладоши. Я размечталась, как заберу их в город, домой. «Ну и что, что папа запретил. Мама не будет ругаться, она всех жалеет...» Мысли запутались, веки закрылись, я заснула.

Меня разбудил лучик солнца, пробившийся сквозь щель в закрытых ставнях. Негодник светил мне прямо в правый глаз.

Я открыла глаза. Прислушалась: только тиканье часов. В доме пусто. Даже котята сбежали.

Я подскочила:

– Ох, проспала! Наверно, баба уже собрала яйца!

Искать яйца было чрезвычайно увлекательно! Куры прятали их везде, но только не там, где положено. Нужно внимательно обыскать курятник, проверить все углы, перевероросить пучки сена, соломы. При этом постараться не вляпаться в куриные какашки.

Пропустить любимое развлечение я не могла. Поэтому решительно откинула плед и поспешила на улицу. На крыльце сунула ноги в галоши, сбежала по ступенькам во двор.

Собака лежала около будки. Увидев меня, она подняла голову, замахала хвостом, но осталась на месте: цепь мешала

подойти ко мне. Куры сосредоточенно клевали невидимые крошки на земле. Котята сидели на перилах крылечка, грелись на солнышке.

Я заметила бабушку в дверях амбара:

– Ба-а-аб, яйца не собрала? Можно я?

– Ох, тоже нашла развлечение! Ну, иди собирай.

Я прихватила миску и отправилась в курятник. Но на полпути повернула в сторону – сперва нужда позвала меня в туалет, который по обыкновению в деревнях находился во дворе, за дальним сараем.

С уличными туалетами у меня были давние счеты. Однажды я поскользнулась и потеряла равновесие. Жутко испугалась, что провалюсь в яму с фекалиями с головой! Но, как говорила мама, бог миловал. Я отделалась испугом и грязным ботинком – в дырку попала только правая нога.

С тех пор уличные туалеты были моими личными врагами. Чтобы доказать им свое пренебрежение, я старалась обходить эти унылые неказистые строения стороной, но в деревне выбора не было. Впрочем, поддаться страху – значит проиграть, а терпеть поражение я была не намерена.

К счастью, в это утро обошлось без происшествий. И туалет отпустил меня с миром, и даже куры не издевались надо мной – снесли яйца в досягаемых местах и не очень-то их запачкали. Бабушка спрятала свежие яйца в подпол – «до базара выходного дня». Приедут городские или те, кто своих кур не держит – вот и приработок.

Мне на завтрак она дала желанную корочку хлеба и целую банку малинового варенья. Я облизывала липкие пальцы и думала: «Какое счастье, что тут нет мамы! Она не разрешила бы встать из-за стола, пока я не съем суп или кашу!»

Пока допивала последний глоток прохладного молока, вдруг вспомнила, что вечером около зеркала заприметила большие ножницы. «А что, если?.. Мамы же тут нет, она не запретит...»

Бабушка возилась на кухне, дед был занят делами во дворе – на меня никто не смотрел. Я подошла к трюмо, взяла в правую руку «бараньи» ножницы – те, которыми дед стриг овечью шерсть.левой рукой придержала кончик растрепанной косы, опускавшей ниже лопаток, примерила и откромсала ровно посередине.

Пригладила волосы, всмотрелась в отражение в зеркало и поджала губы. Результат разочаровал. Ровного среза не получилось, нижний край волос рассыпался кривыми ступеньками. Совсем не такого эффекта я ждала. Странно, что не получилось красивого каре.

«Ну-у... Мало того, что мне влетит, так еще и ерунда какая-то вышла. Ладно, может, мама не заметит. Зато не придется больше терпеть, как она пребольно дергает волосы расческой и еще говорит: «Тихо, не ной!»

Отрезанный хвостик я свернула колечком и положила в пакетик, который нашла в ящике трюмо: «Сохраню на память!» Кое-как собрала волосы в хвост и сообщила бабушке,

что я на прогулку. Та, занятая приготовлением обеда, только одобрительно кивнула.

Толкнула калитку и оказалась за воротами.

Солнце заливало улицу белым светом, слепило глаза, припекало колени и плечи. Ветерок доносил запах навоза, лениво шевелил листья на яблонях. Деревня, казалось, вымерла: ни людей, ни собак, только неугомонные курицы шуршали в траве вдоль заборов, да время от времени петухи с разных дворов нарушали полуденный покой и устраивали переклички своими кукареками. Зато мошकारа была, как всегда, бодрой: около десятка заплясали у моего лица, заставляя отмахиваться руками.

По дороге проехал сосед на мотороллере, грохот которого лишь ненадолго разогнал душную летнюю тишину. В кузове я заметила косу и вилы и тут же вспомнила, как на почти таком же агрегате ездила прошлым летом на сенокос с дедом. Когда мы возвращалась с полей, я сидела на стоге травы, а по ногам ползли гусеницы, жуки и божьи коровки. Мне было щекотно и противно, но смахнуть их было никак нельзя: изо всех сил я держалась за бортики кузова обеими руками и была уверена, что если хоть на секунду ослаблю хватку, то мотороллер избавится от меня на первой же кочке.

Я сдула очередную надоедливую мошку с руки и задумалась: «Та-а-ак! Куда же пойти? В степь – посмотреть, как пасутся кони? Или на речку – ловить мальков? Или просто пошататься по улицам? Может, поискать деревенских ребят?

Правда, мама не разрешает с ними дружить – «они тебя испортят!», но мамы-то здесь, как мы помним, нет. «Начну с речки!» – решила я и спустилась с пригорка мимо соседских домов до воды.

Пологий берег зарос камышами, в которых прятались лягушки. Они квакали и плюхались в воду. Я прошла вдоль берега и заметила тропинку, ведущую к узкой быстрой речке, в которой прозрачная вода переливчато журчала по разноцветным камешкам. Сняла обувь, подхватила подол и побрела на противоположный берег. Вода местами доходила до колен. Острые камешки на дне кололи ноги. Неудачно наступив на один из них, я качнулась вбок и намочила краешек платья. Ну, зато не упала!

На берегу обулась и принялась бегать из стороны в сторону и ловить стрекоз и бабочек, порхающих над высокой травой. Они летали стайками вокруг меня, но в руки не давались. Я весело хлопала ладонями попусту и почти вплотную приблизилась к стаду коров, пасущихся на лугу. Все было как в какой-то книжке: беззаботная девочка играет на берегу с шаловливыми стрекозами, и мир вокруг такой добрый и прекрасный, и эти милые коровки так забавно жуют травку...

Внезапное мычание за спиной вернуло меня в реальность. Я повернулась и увидела, как огромный рыжий бык направился в мою сторону, совсем не дружелюбно выставив рога.

Я растерялась: «Что делать? Бежать? Не пойдет, он же до-

гонит!»

Схватила с земли палку:

– А ну пошел! Пшел вон! Проваливай, дурачьё! Что тебе надо от меня! ИДИ ОТСЮДА!

Но бык лишь ниже наклонил голову и ускорил шаг, стремительно сокращая расстояние между нами.

В моей голове страшным мультфильмом пронеслись картинки. Вот он настиг меня. Его рога пронзают плоть, рвут кожу насквозь. Могучий бык мощным броском бросает меня к небу. Я лечу, как неудачливый испанский тореадор. Падаю наземь. Истекаю кровью. Медленно умираю, бросая последний раз взгляд на безоблачное небо... Надо мной порхают бабочки... жужжат осы... летают стрекозы... прыгают беззаботные кузнечики... и коровы по-прежнему забавно жуют травку...

Такая перспектива меня не устраивала, но просить помощи было не у кого. Я стояла одна против быка с огромными рогами!

Кровь пульсировала в висках, я слышала свой громкий крик:

– Проваливай! Я тебя не боюсь! Я никого не боюсь! Пшел вон!

Я стояла не на жизнь, а на смерть. Размахивала палкой во все стороны, как бешеная, и орала как резанная:

– ВАЛИ ОТСЮДА!!!

Вдруг бык замер. Постоял, помычал, а потом отвернулся.

Что же это он? Я растерялась. Наигрался? Испугался палки? А может, только я повернусь – он догонит и вдарит рогами мне в спину?

Я стала пятиться, на всякий случай держа перед собой палку двумя руками и вспоминая самые грозные слова из своего небогатого ругательного лексикона. Но коровьего защитника я уже не интересовала – он в мою сторону больше не посмотрел. Когда стадо скрылось из виду, я повернулась и побежала что есть мочи домой.

Напрямик. Через полянку, до брода, не разбирая дороги. Сквозь высокую траву, репей, лопухи. Колючки царапали ноги, цеплялись за платье, но я не чувствовала.

Бежала, и мысли мчались вместе со мной: «Скорее во двор. Спрятать котенка в сумку. На вечернем автобусе домой. Там книжки. Библиотека! Пусть ненавистное пианино. Но унитаз! И никаких рогатых быков! Баба с дедом не пустят. Заворчат: „Ты только приехала!“ А я им не скажу! Просто уеду – и все! Ну и что, что мне всего десять, дорогу до дома я знаю!»

Полная решимости и бурлящего в крови адреналина, я легко провернула свой план. Незамеченная прошмыгнула в дом. Сунула за пазуху котенка. Молча ушла на остановку. Села в автобус. Доехала до городского автовокзала. Пересела на трамвай и вернулась домой.

Мама всплеснула руками:

– Тонька, ты, что ли, сдурела?

– Ну, мам, я просто хотела домой! А это Васька, он будет жить с нами!

Глава 2.

Ветер перемен

– Покурим?

Я постучала пачкой сигарет по столешнице, подняла левую бровь и с иронично-игривой улыбкой посмотрела на собеседника. Тот пожал плечами и согласился.

Поднялся с табурета, задвинул его под стол, прижался к холодильнику, пропуская меня вперед. Я протиснулась мимо, «случайно» задев его ногой – теснота кухоньки к таким выгодным для меня «случайностям» очень располагала.

Вышли на незастекленный балкон. Он прикурил сигарету для меня, потом щелкнул еще раз зажигалкой – для себя. Мы стояли рядом друг с другом, молча выпускали дым.

На ветках березы, растущей во дворе, суетились воробьи. Гонялись друг за другом, то прыгая с ветки на ветку, то легко взлетая и кружась вокруг дерева. Чирикали по-весеннему задорно. Я рассеянно следила за их танцевальной эквилибристикой, пытаясь осмыслить происходящее в моем сердце.

Однажды мы с ним уже встречались. Познакомились случайно через общих знакомых. Высокий кудрявый брюнет уже тогда запал мне в душу. Но я была не одна, он тоже. Нас коротко представили «Рома – Тоня», мы бросили друг на друга заинтересованные взгляды, но не более. А сего-

дня в гостях у друзей столкнулись вновь. В этот раз одинокие и свободные. Сидели на кухне, болтали о пустяках. Я чувствовала, что между нами проскочила искра. И ей дело не кончится: с одного взгляда мне стало понятно, что мы будем вместе. Я отчаянно флиртовала, дразнила улыбками, прямыми вопросами. Рома немного смутился, хмурил брови, прятался за свой серьезный вид.

Подул льдистый ветерок, я поежилась. Рома снял пиджак и накинул его мне на плечи. От пиджака пахло парфюмом и табаком. Запах будоражил, а близость волновала.

Вечер закончился, и, как я надеялась, Рома вызвался меня проводить. Не торопясь, мы пошли пешком вдоль проспекта. Наши ладони соприкоснулись, пальцы переплелись – нам не хотелось расставаться. Мы о чем-то говорили, но слова были не важны. Главный диалог завязывался между нашими телами, сердцами, душами.

В подъезде он наклонился и поцеловал меня в губы, но тут же вскрикнул от неожиданности – я легонько укусила его. Потом достала из кармана скорлупку от фундука (завалилась случайно) и отдала ему в руки – подарок, храни!

На следующий день Рома позвонил и предложил встретиться. Недолго думая, я согласилась – уж очень мне понравился этот красивый серьезный молодой человек.

Вечером после работы Рома подъехал на машине к моему дому, и мы отправились в лес. Я прихватила на лесную прогулку свою кошку, которая почти сразу потерялась. Роман-

тика первого свидания порвалась на лоскуты, до наступления темноты мы безуспешно искали пушистую пропажу. Когда уже, отчаявшись, собрались уезжать, то услышали жалобное мяуканье. Глупое животное залезло внутрь капота через днище.

– Под счастливой звездой она родилась, – сказал тогда Рома. – Страшно представить, что случилось бы, тронься авто!

Кошка была спасена, а совместно прожитые переживания сделали нас ближе друг другу.

С тех пор мы стали встречаться. Виделись почти каждый день, долгие разлуки были невыносимым испытанием. Гуляли, болтали, смеялись. Я открывала вROME все больше ценных для меня качеств. Мне нравились его щедрость – на свиданиях он всегда сам платил по счету, ум – он часто рассказывал мне о тех вещах, про которые я даже не знала. А еще он умел меня рассмешить и хохотал над моими шутками. Рядом с ним я чувствовала себя надежно.

Однажды он поразил меня тем, как быстро и ловко поменял проколотое колесо. Потратил на это не более десяти минут. Позже признался, что делал это впервые. Я восхитилась еще раз.

Сами не замечая того, мы влюбились друг в друга. Открывая глаза каждое утро, я сразу начинала с трепетом ждать его звонка. И он всегда звонил. Он был ко мне внимательным и нежным. Мы оба чувствовали, что между нами что-то настоящее, и боялись спешкой или неловким словом разру-

шить этот прекрасный мир. Иногда заходила речь о женитьбе, но только ради смеха – встречались-то мы всего пару месяцев.

Однажды утром я почувствовала дурноту. Странная тошнота не отпускала меня. Кружилась голова, бросало то в жар, то в холод.

По дороге на работу я заскочила в аптеку и купила тест на беременность. Терпеть неопределенность до вечера не смогла и в офисном туалете провела нехитрую диагностику.

Результат теста меня шокировал. Всего месяц назад гинеколог уверяла меня, что нежеланной беременности можно не опасаться, сначала придется подлечиться. Врач ошиблась, а внутри меня зародилась жизнь.

Как такое могло случиться?

В зеркале над раковиной отражались облака. Шквальный ветер гнал их по небу. Облака, мягко покоряясь его силе, мчались, попутно меняя форму, очертания. Я следила за ними, осознавая, что это дует ветер моих перемен, а мысли в моей голове метались, как эти беспомощные клочки в небе.

Как такое могло случиться?

Боже! Я, которая так опасалась забеременеть до брака, «принесу в подоле»? Представляю, как разочаруется мама!

Я планировала другую жизнь. Дети – да, непременно, но гораздо позже! Сначала встану на ноги, заработаю денег, поезжу по миру. Когда-нибудь потом будет и муж, и четверо

детей, и большой дом, и даже собака. Но сейчас я слишком молода! Мне всего двадцать два. Только месяц назад защитила диплом. Меня же ждет карьерная лестница!

Как. Такое. Могло. Случиться?

А Рома? Он мне нравится. Как мужчина, как друг, как любовник. Но разве я ожидала, что он станет отцом моего ребенка? Я же толком не знаю его. Мы встречаемся всего пару месяцев. И еще неизвестно, что он скажет про эту новость.

Господи! Как могла моя жизнь дать такой сбой?! Две черточки на узкой полоске бумаги вмиг перечеркнули мое, казалось бы, незыблемое будущее. Все планы полетели к чертям!

И ничего не помянуть, не переиграть, не повернуть реки вспять. Аборт исключен. Внутри меня жизнь. И я рожу каждого здорового ребенка, которого мне даст судьба!

Я окинула взглядом побледневшее лицо в зеркале, погрела ледяные руки теплой водой, вышла на негнущихся ногах из туалета. Дошла до рабочего стола, подняла трубку телефона и набрала номер: «Нужно поговорить. Приходи после работы».

Пока наши отношения развивались, я успела съехать от мамы в отдельное жилье. Там я и ждала ничего не подозревающего отца моего будущего ребенка вечером того драматичного дня.

Когда раздался звонок, у меня вспотели ладони. Открыла дверь. Попыталась прочесть по лицу, догадывается ли он, о чем предстоит разговор. Уперлась глазами в серьезный

прямой взгляд. Попыталась сохранить спокойствие.

Рома переступил порог. Сгрел меня в объятия, жарко и с удовольствием поцеловал. Разулся, прошел на кухню, сел за стол.

Я сразу перешла к делу. Не говоря ни слова, выложила на стол тест с двумя полосками. Замерла, ожидая его реакции. Секунды растягивались на целую вечность, пока он молчал. Мое сердце громко стучало. Я знала, что страшно сейчас не только мне, и была готова принять любое его решение. Он был свободен, естественно, винить его в ситуации я не собиралась. Но очень хотела узнать, что не ошиблась в мужчине, с которым делила постель и строила новый мир на двоих.

Тишина. Томительные, уничтожающие секунды.

Рома покрутил в руках тест, помолчал. Потом поднял глаза и с уверенностью произнес только два слова: «Надо жениться».

Я рассмеялась с радостью и нескрываемым облегчением.

И пусть не было того, что обычно девушки рисуют в романтических фантазиях: ужина при свечах, коробочки с кольцом на фоне искрящейся огнями Эйфелевой башни. Избранник не припал на колено, не молил подарить ему навеки руку и сердце. Но та минута, что случилась на кухне, не потеряла своей судьбоносности. Двое молодых, почти юных людей решились создать семью. Жить, работать, вить гнездо, рожать и растить ребенка вместе.

На следующий день, перепортив несколько бланков и ни на секунду не переставая подшучивать друг над другом, мы подали заявление в загс. Выбрали день бракосочетания – девятое сентября двухтысячного года.

Теперь нас ждали первые семейные дела. Нужно было сообщить родителям о предстоящей свадьбе. Новость о беременности пока решили не разглашать, боялись неодобрения. Несмотря на то, что я уже вылетела из родительского гнезда, все равно оставалась зависимой от мамы – ее мнения, денег и настроения. А Рома и вовсе пока жил с родителями и ожидал их сопротивления.

Договорились сказать сначала моей маме. Собрались с духом и приехали в мамин сад. Думали улучшить подходящий момент, но, разыскав маму в зарослях, я, не выдержав паузы, протараторила:

– Привет, мама, это Рома. Мы решили пожениться! Уже подали заявление!

Мама от моего неожиданного напора чуть не упала. Прямо в грядку с викторией, которую полола. Она разогнулась, посмотрела на нас долгим взглядом и растерянно развела руками. Мы с Ромой замерли почти на вытяжку, ожидая ее последующей реакции. Мама постояла минутку, потом сняла рабочие перчатки, наклонилась, сорвала спелую ягоду и протянула ее ошарашенному Роме:

– Ну что ж... держи тогда...

Я засмеялась. Ох, не ягоду вручила мама. Она как ценный

приз передала меня!

Потом мама заварила ароматный чай, накрыла круглый стол на солнечной веранде, достала пряники и варенье. Украдкой бросала оценивающие взгляды на жениха, но старалась держаться невозмутимо, вела светскую беседу про посадки в саду и Ромины обязанности на работе.

Своим родителям Рома предпочел сообщить сам, без меня. Ну, сам так сам, ему видней, я ничего о них не знала. Через несколько дней передал, что они хотят познакомиться со мной и моими родителями. Договорились о встрече в ресторане. Она прошла спокойно, хотя все нервничали и были немного скованы. Ромины родители произвели хорошее впечатление и на меня, и на моих папу-маму. Вежливые, с деликатными манерами, они держались тактично и дружелюбно. Взглянув на будущих свекра и свекровь, я поняла, что Рома красивый – в маму, а серьезный и надежный – в папу.

После условной помолвки мы не спешили съезжаться. Рома по-прежнему жил с родителями, а я у себя. Ждали дня свадьбы, чтобы начать совместную жизнь.

Беременность, которая все еще оставалась для общества тайной, меня почти не беспокоила. Только утренняя тошнота и слабость напоминали, что внутри меня растет малыш. Я купила энциклопедию будущей мамы, рассматривала иллюстрации, внимательно изучала, как меняется плод каждую неделю. Представляла, как бьется его сердечко.

Одним августовским днем у меня внезапно открылось

кровотечение. Я перепугалась и срочно побежала к врачу. Та отправила в больницу на сохранение. Ехать нужно было немедленно, но я попыталась возразить, что не могу сейчас никак взять больничный – у меня испытательный срок на работе.

Докторша, подняв голову от бумаг, посмотрела на меня поверх очков и бодро сказала:

– Ты уж реши, дорогая. Что тебе важнее ребенок или работа?

Ответ на этот вопрос я знала точно.

Оказавшись в больничной палате, я поняла, что дольше тянуть нельзя. Не получится сообщить о беременности после свадьбы. Пора отважиться, собраться с духом и поговорить с мамой. Учитель литературы и русского языка, она воспитывала меня в лучших традициях благопристойности. А я, нерадивая дочь, оступилась, «залетела», принесла в подоле, опозорила род! Я боялась, что для нее известие станет ударом.

Мама была в отъезде, и мне это было даже на руку. Различный разговор не мог состояться, то я написала письмо. В нем описала свое положение, слезно попросила прощения за то, что не оправдала надежд. После передала его с братом, который встречал маму в аэропорту.

Мамина реакция меня удивила. Хляби небесные не разверзлись, на меня не пролился шквал упреков. Ни одного. Ни разочка. Ни слова, ни полслова. Совсем.

Она пришла проведать меня в больнице, принесла фруктов и даже не обмолвилась о нежелательности моей беременности. Нет, напротив. Она была спокойна – ребенок так ребенок. Пусть!

Из больницы выписали меня через десять дней. Все было в порядке, исключая небольшой тонус. Врач рекомендовал не нервничать, больше гулять, хорошо питаться и пить витамины.

Дни до свадьбы пролетели незаметно. Организацию торжества, как и финансовые расходы, взяли на себя родители с обеих сторон. Они выбирали зал для празднования, развлекательную программу, согласовывали меню, писали приглашительные. Свадьба имела гораздо большее значение для них, чем для нас с Ромой. Я же искала платье мечты, в остальное предпочитая не вмешиваться. Впрочем, как и Рома. Мы только попросили, чтоб торжество обошлось без глупых конкурсов, выкупа и показательного подаркодарения.

Утром 9 сентября я проснулась спозаранку. С деловитым видом отправилась пешком в ближайший салон красоты. Когда мастер нанесла макияж, завила кудри, приколола фату, то Антонина исчезла – на меня из зеркала смотрела незнакомая девушка. «Чудо как хороша!» – подумала я нескромно. Мастер спросила, волнуюсь ли я. Тут меня затрясло. Конечно я волновалась! Моя жизнь сегодня изменится карди-

нальным образом. А вдруг я буду несчастна, а что, если я ошиблась, а что, если наши отношения с Ромой не выдержат совместной жизни? Не то чтобы я сомневалась в нем, события развивались так стремительно, перемены предстояли колоссальные, я сомневалась даже в себе. Такое важное событие – свадьба! Я серьезно относилась к браку – русская литература сделала свое дело. Конечно, всегда можно развестись, но лучше бы этого никогда не случилось!

Дома у мамы я облачилась в свадебный наряд – пышное платье (как у принцессы, конечно же!), перчатки, фата, боножки. Никогда прежде я не чувствовала себя прекрасней. И мама, и папа любовались мной. Я была на седьмом небе от счастья!

Жених приехал без опозданий. Ужасно волнуясь, попросил у родителей формального позволения жениться на их дочери. Началась свадебная суета: шутки, прибаутки, благословения, – а мы смотрели друг на друга и улыбались.

Дождавшись своей очереди в веренице брачующихся, мы зашли в распахнутые двери нарядного зала бракосочетания. Ответили на главные вопросы «Да!», обменялись кольцами и расписались.

Шумное веселое застолье кончилось поздно. Отведав по кусочку свадебного торта, мы – уставшие, но счастливые молодожены – отправились домой. Переступили порог квартиры, которая стала отныне нашим совместным жильем. Расставили в ведра охапки цветов. И сладко заснули в объ-

тиях друг друга, укрывшись одеялом и новым статусом мужа и жены.

Вечером следующего дня попрощались с родными на платформе вокзала и отправились в свадебное путешествие.

Ночной поезд стучал по рельсам, мчал вперед. Вез в будущее двоих молодых людей, которые стали попутчиками на долгие годы.

Глава 3.

Настоящий малыш

Светофор замигал зеленым, коротко моргнул желтым и задержался на красном. Машина резко затормозила, и я качнулась вперед, удерживаемая ремнем безопасности.

– Рома! Черт! Осторожно! – вскрикнула я, выразительно посмотрев на мужа. Он сжимал руль, так что костяшки пальцев побелели. Выдохнув, он повернул ко мне напряженное лицо и, выдохнув, спросил:

– Ну как ты?

– Как-как! Ничего нового, рожаю! – я поморщилась от очередной схватки. – Будем так ехать, рожу прямо в машине!

Рома виновато повел плечами и кивнул. Машина взвизгнула и стартанула за секунду до того, как загорелся зеленый.

Через десять минут мы стояли у дверей приемного покоя.

– Можно? – я заглянула внутрь кабинета.

– Женщина, подождите за дверью! Не видите, у нас занято! – скомандовала медсестра металлическим голосом.

– Но я рожаю!

– Женщина, тут все рожают! Пригласим!

Я прикрыла дверь, повернулась к Роме и пожаловалась:

– Мы в роддоме все женщины. Или мамочки, – я постаралась произнести эти слова с той же раздражающей интонацией, как это делали все медсестры в отделении гинекологии, где я лежала пару месяцев назад на сохранении. – Как же бесит! Вдруг я прям сейчас рожу. Их что, это не волнует?

Рома молча пожал плечами и еще сильнее сдвинул брови, чтобы сдержать стремительно возрастающее волнение. Я, стараясь успокоиться, мерила коридор шаркающими шагами.

Дверь распахнулась, выглянула девушка в медицинской маске и глазами позвала войти внутрь.

– А вы, мужчина, оставьте телефон и идите домой, утром вам позвоним.

На секунду я прильнула к испуганному мужу, чмокнула его в губы и прошла в кабинет. Он даже не успел обнять меня на прощание, но мне сейчас было не до нежностей. Впереди меня ждала важная работа.

– Садитесь. Что случилось? Фамилия? – крупная дама в белом халате сидела за столом, заваленным бумагами. Бросила на меня взгляд искоса и застыла в ожидании, приготовив ручку для записи.

– М-м-мифтахова, – сбивчиво начала я, – дома воды отошли...

– Срок какой? – замученным голосом перебила меня врач. Я подумала, что прошедший день весьма ее утомил и она мечтала побыстрее от меня отделаться.

– Тридцать восемь недель.

– Раздевайтесь за ширмой.

Я покорно направилась за переносную ширму. Сняла брюки с резинкой на животе, которые носила уже три месяца каждый день – других просто-напросто не было, – и присела на кушетку.

Я прислушалась к ощущениям. Живот стоял камнем. Я боялась, вдруг что-то не так? По сроку появление малыша я ждала только через две недели. Но все случилось сегодня вечером, когда я принимала душ. Закрыла кран, из душевой лейки стряхнула последние капли, как вдруг из меня хлынуло и потекло по ногам. Растерявшись, я громко крикнула: «Рома! Капец! НАЧАЛОСЬ!»

Прибежавший на зов муж помог выбраться из ванной, стремительно оделся и помчался в гараж за машиной. Вызвать скорую мы не догадались. Впрочем, ехать в роддом было недалеко.

Но что, если со мной все-таки что-то не так? Скорее бы уже все прояснилось!

– Женщина, ложитесь на спину, – неприветливый голос вернул меня в реальность.

«Ну почему женщина? Звучит как оскорбление. Тем более мне всего двадцать два. Какая на фиг я женщина!» – мысленно простонала я, но вслух ничего не сказала.

Акушерка обмерила лентой живот, послушала сердцебиение плода и отправила на осмотр к дежурному врачу. Я по-

корно поплелась дальше, ожидая какого-то уже вердикта. Да скажите, наконец, у меня все хорошо? А у малыша?

Врач – мужчина средних лет, судя по вискам, уже тронутым серебристым светом, в белом халате, шапочке и медицинской маске, закрывающей его лицо – велел забраться на гинекологическое кресло.

Я с неприязнью посмотрела на неказистую конструкцию, которая внушал мне страх и трепет. Каждый ее винтик напоминал о боли, который доставил мне мой первый в жизни осмотр. Холодные металлические элементы, грубый протершийся местами дерматин неудобного сиденья. Стыд, неловкость, смущение. И злобная тетка, что небрежно расковыряла нежное лоно до крови, взяв мазок для анализа. Я тогда вскрикнула, она с каким-то мало скрываемым удовольствием отреагировала упреком: «С мужиками спишь – вот и терпи!» Позже я, как и все, научилась сжимать кулаки, закусывать губу и терпеть дискомфорт. Но визиты к врачу женской специальности с тех пор всегда сопровождались легкой паникой.

После осмотра врач сообщил, что со мной и малышом все в порядке, но шейка к родам не готова. Воды отошли, а родовая деятельность не началась. Мне нужно выбирать: или подождать и попытаться родить самой, или сразу решаться на кесарево. Но тут же равнодушно добавил: «Имей в виду! Шансы родить самой – минимальны».

– Сама измучаешься, ребенка измучаешь. А в итоге все

равно прокесарим. Решай, что будем делать!

Можно подумать, у меня есть выбор!

Врач отошел к столу, снял повязку, и тут я его узнала. Это же бывший мамин ученик! Я помнила его с детства.

– Ой, здравствуйте, а я Тоня, дочка Надежды Сергеевны!

Он внимательно посмотрел на меня, улыбнулся:

– Ого! Как ты выросла!

Стало неловко общаться со знакомым из положения, которое обязывало занимать гинекологическое кресло. Я оперлась руками об кожаную обивку и кое-как спустилась на пол. Беременный живот мешал сделать это грациозно.

– Тоня, не переживай! Сделаю тебе незаметный шов. Ну что, кесарево?

– Думаете, так будет лучше? – мне нужно было авторитетное мнение врача.

– Да, абсолютно! – врач сложил пальцы рук домиком и постучал друг об друга. – Экстренная операционная наготове. Решайся!

– Ох... хорошо. Давайте, – я надеялась, что выбрала из двух зол меньшее. Ничего, кроме надежды, у меня не осталось.

Через полчаса, после всех необходимых процедур, я лежала на операционном столе. Анестезиолог сделал укол в спину, объяснил, что это эпидуральная анестезия. Подождал, когда она начнет свое действие. Тыкал иголками в живот –

проверял, не пропала ли чувствительность. Все ждали.

Меня трясло мелкой дрожью. Зубы стучали так громко, что заглушали голоса переговаривающихся рядом врачей. Но не от холода, а от страха. Я не могла унять сокращение мышц, не могла расслабиться, не могла доверить свое тело, своего ребенка этим людям. Пытаясь успокоить, медсестра положила руку мне на лоб и что-то тихонько шептала убаюкивающим тоном. Мой взгляд упирался в стену, на которой висели часы – ровно двенадцать. Начало нового дня. Значит, мой сын родится 2 марта. Надо только перестать трястись, и тогда мне сразу разрежут живот. Раздвинут плоть, вытащат ребенка!.. Нет, так только хуже! Надо подумать о чем-то приятном, отвлечься, успокоиться. Все пройдет! Скорее бы!..

Видимо, врачи потеряли терпение, а может, мое состояние вынудило их ускориться. «Сейчас ты заснешь. Но ненадолго. Не пугайся!» – ласково обратился ко мне анестезиолог и что-то вколол в катетер, который стоял в сгибе моей левой руки.

Я отключилась. Ни света в конце тоннеля, ни калейдоскопа наркотических галлюцинаций. Только пустая темная тишина. Вынырнув из забвения, я с облегчением услышала плач ребенка. МОЕГО ребенка! Незнакомый громкий голос кричал на весь мир, что он родился.

«Мальчик!» – буднично обозначила пол неонатолог.

«Мальчик! – вслед за ней торжественно повторила я внутри себя. – Ребенок родился. Сын!»

По щекам текли слезы – слезы облегчения и радости.

«Я стала мамой!»

Ребенка помыли, завернули в пеленку и положили мне на грудь. Повернув голову вбок, я увидела только серьезное сморщенное личико. Глазки закрыты. Я еще не успела разглядеть его как следует, а медсестра уже взяла моего сына на руки и унесла.

Меня зашили и перевезли в палату интенсивной терапии. В темное полуподвальное помещение. Куда доносились лишь тревожные крики рожениц и требовательный плач новорожденных.

Там я пробыла три дня.

Три дня боли, страха и тотального одиночества. Без связи с мужем. Без посещений родственниками. Даже без права посмотреть на ребенка – он был в детском отделении под присмотром медсестер. Таковы были требования того времени. Три бесконечных дня я испытывала незнакомые ранее физические муки. У меня болел свежий шов, сжималась матка, ломило тело. Я была раздавлена морально. Но бездушную систему это не волновало.

Однажды меня зазнобило. Санитарка принесла одеяло. Укрыла и задержала руку на моем плече. Тепло ее ладони я запомнила навсегда. Единственное проявление человеческого участия в ужасе ПИТа.

Когда меня перевели в послеродовое отделение, в одиноч-

ную платную комфортную палату с правом посещения родными, я вновь почувствовала себя живой! Правда, переживаний у меня не убавилось. Несколько раз в день медсестра заносила в палату плотный спящий кулек и через двадцать минут забирала обратно в детское отделение. Как кормить, как будить, что с ним делать – я не знала. Спросить стеснялась. И когда на пятый день после родов пришло молоко, кормить ребенка я не умела. Но это и не требовалось: приносили его уже сытым и довольным.

Через неделю сняли швы, и в день моего двадцатитрехлетия я вернулась домой со спящим сыном в одеялке.

Дома я развернула кулек и впервые по-настоящему увидела того, кого произвела на свет. Малыш сладко посапывал, прижимая к себе ручки и ножки. Настоящие ноготки на миниатюрных пальчиках, мягкие волосики на голове, белесые реснички – не знаю, что поразило меня больше всего. Никогда раньше я не видела новорожденных.

«Господи, это ж не какая-то реалистичная кукла, – проскочила испуганная мысль. – Нет, это живой человек, и сейчас он проснется и обязательно заплачет! И что тогда нам делать? Жизнь не готовила меня к этому!»

Рома аккуратно потрогал ладонью малыша, она почти накрыла его полностью. Мы переглянулись, улыбнулись, осторожно перенесли ребенка в кроватку и на цыпочках вышли из комнаты. Не дай бог, проснется!

После первого дня, проведенного с младенцем день на-

едине, я весь вечер рыдала у мужа на коленках. Плакалась, что дети – это так сложно! Что ребенок кричит, я ничего не понимаю. И что же будет, если вдруг я совсем не справлюсь? Не смогу накормить, воспитать, поднять на ноги? Вдруг я буду плохая мать? И что тогда?

Рома молча меня слушал, ласково гладил по волосам теплыми пальцами. А потом ловко поменял ребенку подгузник.

Глава 4.

Авария

Тишина разорвалась на части, и сквозь трещины первыми проникли звуки. Как воспоминания о чем-то утраченном, до меня донеслись сначала щебетание птиц, потом стрекот кузнечиков. Через мгновение ожили чувства, и я ощутила осторожное касание нежным ветерком моего непривычно горячего лица. Пора было включать зрение.

Я с трудом разлепила веки и увидела, как прямо перед моими глазами по травинке ползет жучок – желтенький в черную точечку.

«Где я?»

Мой взгляд заскользил дальше. Повсюду на траве разбросаны вещи – фотоаппарат, вылетевший из чехла, сумка с ноутбуком, пакеты с едой и одеждой. Пачка макарон лежала около моих ног.

«Почему я лежу на земле?»

Резкий запах мочи ударил мне в нос. «О боже! Неужели обмочилась?» Я подняла голову, посмотрела на мокрое пятно на брюках. Попыталась встать, но резкая боль припечатала к земле.

Услышала стон. Повернула голову на звук и закричала:

– РОМА!

В метрах пяти от меня на спине лежал муж. Глаза закрыты. Лицо и руки в крови. От его странно тяжелой фигуры веяло ужасом и болью.

Я скосила глаза вправо и увидела машину. Она лежала на крыше. Багажник открыт, как пасть огромной акулы. Вещи раскиданы по полю. Капот сложился гармошкой, двери закрыты. В лобовом стекле – ни трещинки.

Я вспомнила, что случилось.

Друзья пригласили нас в лес с ночевкой. Предполагался обычный отдых за городом – шашлык, озеро, костер. В последний момент решили сына с собой не брать, оставили с бабушкой. В намеченное время выехали из города вереницей из пяти машин, включая нашу. Мы плелись в хвосте. Никак не могли угнаться за всеми. Приходилось поспешать, чтобы не потеряться в пути. Я крепко цеплялась за руль, который так и норовил выскочить из рук на кочках и рытвинах.

Через сто километров какой-никакой асфальт закончился. Машины повернули в лес, выехали на грунтовую дорогу. Она то расходилась на две колеи, то путала меня на перекрестках. Я потеряла из виду даже пыль от впереди угнавших авто и от страха заблудиться окончательно сильнее вдавила в пол педаль газа в надежде догнать всю процессию. Деревья расступились, дорога запетляла по полю. Впереди показался поворот, я повернула руль и поняла, что мы вылета-

ем с дороги.

Успела крикнуть «Рома!», вцепилась покрепче в руль. И мир закружился перед глазами...

Что же с мужем? В отчаянии я попробовала доползти до него, но рвущая сознание боль меня обездвижила. И я звала, умоляла, кричала, насколько хватало сил, но Рома лишь едва слышно стонал и не приходил в сознание.

Несмотря на впивающиеся в тело камни и картину разрушения вокруг, на то, что мое тело не выполняло ни единой моей команды, я отказывалась поверить в происходящее. Казалось, надо потрясти головой, проснуться, и все окажется злой шуткой, жестоким наваждением. И нет ни колючего поля, ни пронзительной тишины, прерываемой тихими звуками природы, ни этой страшной неподвижности. Мы в пути, мы шутим и озорно переглядываемся, мы скоро уже приедем.

«Пожалуйста, господи, можно отмотать назад?! Ну, миленький, что тебе стоит? Прошу, всего лишь несколько минут. Как я могла... Рома! Живи, пожалуйста, только будь живой! Прости меня, я виновата!» Моя горячая молитва напоминала бред, слова перемешивались, сознание путалось, но я не останавливалась – только из нее, из этой страстной мольбы могло прийти спасение.

Не представляю, сколько прошло времени, прежде чем я услышала, как зашуршали шины по камням. Вздохнула с облегчением – за нами вернулись друзья.

Потрясенные ребята выскочили из дверей авто и бросились на помощь. «Тише, тише, лежи спокойно, – не скрывая задыхающихся рыданий, упрасивала меня подруга, пока я безуспешно пыталась в очередной раз дотянуться до мужа. – Все будет хорошо, вы сильные, вы справитесь!» Вызвали медиков, которые отвезли нас в больницу ближайшего селения. Потом туда приехали родители. Лежа в унылой палате с облупившимися стенами, я слышала, как в коридоре плачет свекровь. Мое сердце обливалось кровью: «Не уберегла, не смогла, не справилась». Мама держала эмоции при себе, лишь гладила меня по волосам. Чуть слышно благодарила бога, что мы чудом выжили.

На двух каретах скорой помощи с мигалками нас перевезли в больницу родного города. Положили в одной палате, стали заживлять раны и переломы. Почти не говорили друг с другом, тогда я объясняла это стрессом, болью и переломанной челюстью у Ромы.

После больницы свекровь забрала сына к себе – так ей было проще заботиться о нем. А я лежала на нашей кровати дома одна, ждала, когда срастется кость и можно будет сменить ее и самой ухаживать за переломанным мужем.

Пришло время, мы оба вернулись домой. Забрали от бабушки нашего сына.

Отношения между нами напоминали холодную войну. Слишком горький мы пили коктейль, замешанный на любви,

боли, обиде. Гнетущее больничное молчание не было временным следствием трагедии. Рома не прощал мне свои переломы. Свекровь подливала масла в огонь, раздувала его обиду. Я злилась на него и на себя, а душу выжигало чувство вины. Но в то же время мы очень любили друг друга и радовались, что живы. И у нас был сын.

Однажды я горько спросила у мамы: «Как нам жить дальше? Куда деть обиду и ссоры?» – «Ничего непоправимого не произошло, – чуть помолчав, ответила она. – Вы живы и уже здоровы. А все остальное со временем отойдет на второй план. Жизнь долгая, все забудется!»

Я не поверила ей. Казалось совершенно невозможным просто жить дальше. Авария безапелляционно поселилась вместе с нами. Присутствовала в каждом дне, поцелуе и ссоре. Ее отравляющие споры проникали в наши души, выжигая изнутри то волшебное, что нас когда-то связало. И однажды я сказала Роме: «Хорош! Да, я виновата. Не справилась с управлением, с ситуацией, переоценила свои умения. Но все! Я больше не хочу тащить с собой по жизни эту вину. Я оставляю ее там, на обочине, а дальше пойду налегке, что и тебе советую. И еще. Будет все-таки здорово, если мы пойдем рядом».

Думаю, муж тоже устал быть несчастным. Ведь после того разговора ссоры прекратились, а мы научились пристегиваться, соблюдать скоростной режим, не гнаться за другими. Быть осторожными.

Глава 5.

В честь бабушки

Я перекрыла кран, отодвинула шторку и перешагнула бортик ванны.

Взяла полотенце, наклонила голову набок и сначала отжала волосы по всей длине. Наблюдая за своим отражением в зеркало, принялась вытирать воду с тела.

«Живот уже кругленький! Про талию можно забыть... Зато можно не втягивать живот на фото, чем не бонус!»

Я усмехнулась. Аккуратно промокнула полотенцем грудь.

«Как налилась! Надо же, какая чувствительная! Ты еще ни сном ни духом, а грудь уже шепчет – купи тест на беременность!»

Повернулась боком и посмотрела на свое отражение.

Тонкие руки и стройные ноги подчеркивали выступающий вперед живот. Скрывать беременность становилось сложно. Но я и не скрывала. Не сообщала всем подряд – это да, но особо любопытным, тем, кто спрашивал напрямую, говорила правду: «Да, беременна. Да, третий. Нет, еще не знаю, кто – мальчик или девочка». Хотя так и подмывало ответить, что я просто толстая, чтобы посмотреть, как они смутятся от понимания своей бестактности. С другой стороны, из моей жизни наконец исчезнет идиотский вопрос: когда

за третьим? Можно подумать, это кого-то волнует. Особенно странна такая заинтересованность у тех, кто еще даже на одного не решился!

В конце концов, это наше с мужем личное дело – когда рожать и сколько. Почему я должна всем рассказывать и, более того, оправдываться? Как будто делаю что-то незаконное и стыдное. По-моему, это самое прекрасное, что могут делать люди, которые любят друг друга – рожать желанных детей. Но далеко не всех такая позиция устраивает. Вон, моя свекровь считает, что карьеру делать, деньги зарабатывать – это достойно уважения, а детей плодить – дело нехитрое, каждый может. Ну что ж, ее право – так считать, я-то тут причем? Мой живот, моя семья, мое право!

Я с нежностью и благодарностью потрогала живот, посмотрела в глаза отражению, разгладила хмурые брови и улыбнулась в предвкушении: «Сегодня узнаю, кто там поселился в моем животе. Чьи ножки меня пихают, что за рыбка трепыхается внутри. Ради кого я мучаюсь дурацкой тошнотой и днем, и вечером. Кого же это я уже люблю всем сердцем».

Я быстро расчесала влажные волосы. Посмотрела на часы: «Ого! Еще немного, и опоздаю!» Закутавшись в широкое полотенце, вышла из ванной комнаты. В спальне достала из шкафа приготовленное с вечера (еще школьная привычка) свободное летнее платье: «Какое счастье – носить беременность летом! Накинула что-то легкое, всунула ноги в ба-

летки – и готова. Красота! Не то что зимой: пока оденешься, на улицу передумаешь выходить. Живот и так тяжелый, а еще сто одежек на себя нацепить надо!» Открыла коробку с косметикой, подкрасила ресницы. Посмотрела в зеркало и осталась собой крайне довольна: молодая стройная женщина с таинственными огоньками чуда в глазах.

Только я закончила, как зазвонил телефон. Высветился номер мужа.

– Подъехал? Спускаюсь!

Села в машину и потянулась губами для поцелуя:

– Опаздываем?

– Привет! – Рома чмокнул меня и начал выруливать с парковки. – Да вроде пока нет. Я торопился как мог. С работы долго не отпускали. И, как назло, эти светофоры! Все красные! На каждом пришлось останавливаться.

– Погоди, я же еще не рожаяю! Мы просто на УЗИ едем. Что ты так волнуешься? – засмеялась я, рассеянно поглядывая на дорогу.

– А вдруг, пока мы тут все красные собираем, ребенок повернется неправильно, и нам еще три месяца голову ломать, мальчик или девочка! – муж потер переносицу.

– Да уж, загадка века! – иронично воскликнула я. – Все равно рано или поздно узнаем. Пол-то уже не изменится.

Рома забарабанил пальцами по рулю, потом вытер потную ладошку об коленку. Весь остальной путь прошел спокойно, и даже светофоры, казалось, сменили гнев на милость. Муж

понемногу расслабился, и мы спокойно обсуждали разные текущие дела. А уж когда у больницы обнаружилось свободное парковочное место недалеко от главного входа, довольно хмыкнул.

– Приехали! Пошли! – заботливо помог мне выйти из машины.

Когда мы заходили в двери поликлиники, я взяла мужа за руку. Если спрятать пальцы в его теплой большой ладони, то становилось спокойнее.

Рома невольно поежился, мне был понятен его дискомфорт – все-таки сугубо женское царство, мужчины тут чувствуют себя неуверенно. Я усмехнулась, эта привычка общества делить сферы жизни на женские и мужские меня раздражала и забавляла.

Разыскали на втором этаже нужный кабинет и постучали в двери. После негромкого «Входите» мы отворили дверь.

– Здравствуйте! У нас плановое УЗИ. Вот направление... А можно я с мужем?

– Здравствуйте. Можно. Направление давайте мне, а сама ложитесь на кушетку.

Закрытые шторы создавали полумрак, ярко светил экран монитора. Врач сидела спиной к двери, лишь немного развернулась к нам одним плечом и протянула руку, чтобы взять направление. На вид ей было около сорока.

Я шагнула вглубь кабинета, сняла платье (нет, летняя беременность – просто кайф!), положила его на коричневую

кушетку и легла сверху. Выдавив прохладный гель на мой живот, врач начала водить по нему датчиком. Нажимала то мягко, то твердо. Я затаила дыхание. Врач щелкала клавиатурой и не произносила ни звука.

Рома стоял у двери, заглядывал в экран монитора. По выражению его лица я поняла, что он тщетно пытается что-то понять. Почувствовав, как от наползающей, словно ночная тьма, тревоги у меня холодеют пальцы рук, я решилась спросить:

– Все... в порядке?

– А что, что-то должно быть не так? – строго спросила врач. Ее глаза смотрели спокойно и безучастно.

– Просто вы молчите... Я беспокоюсь.

– А что тут говорить. Если бы был повод, я бы не промолчала. Пальцев достаточно, голова одна, сердечко бьется. Давайте его послушаем, хотите?

Кабинет наполнился уже знакомыми мне по первым беременностям звуками, от которых, как в первый раз, перехватило дыхание. Быстро-быстро бился ритм. Трепыхалось, торопилось сердечко. Ребенок стал осязаем. Раньше я только чувствовала его внутри, но сейчас еще и услышала.

Мы с Ромой переглянулись. Моя улыбка, как в зеркале, отразилась на его лице.

– Ну, вот и сердечко. Все в порядке, зря вы тревожитесь.

И тут прозвучал вопрос, который меня очень волновал. Получилось ли у нас? Повезло ли? Вытянули ли мы счастли-

вую карту? Как сложится моя судьба? В этот мой последний шанс стану ли я мамой девочки?

– Пол ребенка узнать хотите?

И пока я собирала внутри себя решимость, Рома подал голос. Чуть поперхнувшись от волнения, ответил:

– Д-да. Хотим!

Минута истины. Я прикусила губу. Сжала руки в кулаки. Конечно, мы и мальчику будем рады. Но ведь мальчики у нас уже есть, а потому так хочется дочку! Нежность, радость, принцессу. Платья, косички, туфельки. Передать ей свой женский опыт. Чувствовать особую связь. Пожалуй-ста-пожалуйста-пожалуйста, молила я неизвестно кого!

Пусть девочка! Пусть хоть какая! Пусть толстая, глупая – я на все согласна! Я очень хочу быть мамой дочки!

– Ну вот, смотрите, – врач долго крутила датчиком по моему животу, – сейчас хорошо видно: у вас будет девочка.

– ДЕВОЧКА! Рома, девочка! – я смотрела на мужа и не могла сдержать слез.

В душе я танцевала джигу. Кричала от радости. Громко хохотала, откинув голову. «ДА-ДА-ДА! Нам повезло! Мы вытащили выигрышный билет!» А в реальности лежала неподвижно на кушетке, и слезы катились по моим щекам, оставляя мокрые дорожки.

Врач повернула монитор, чтобы мне было видно, и указала пальцем:

– Вот, смотрите, доказательство. У мальчиков тут совсем

иная картина. Так что поздравляю.

– Действительно, так и есть, – муж приблизил лицо к монитору и прищурился. – Точно девочка!

– Можете вставать. Вот салфетки, вытирайтесь, – привычно скомандовала доктор. Затем обратила внимание на меня. – А почему вы плачете?

– Как же не плакать! Разве вы не плакали, когда вам сказали, что у вас родится дочь? – наивно возразила я.

– У меня нет детей, – сухо отрезала врач.

«Ого, неловко получилось», – подумала я и торопливо украдкой вытерла слезы.

– Спасибо большое! Всего вам хорошего! – попрощались мы с доктором сердечно. Выходя из кабинета, я снова нашла любимую ладонь, в этот раз Рома сжал мои пальцы чуть крепче, и даже в этом мимолетном жесте я ощутила его радость.

Уже в машине крепко обнялись. Я положила голову мужу на плечо – покой, уют и радость. Ох, Рома, сколько важных моментов жизни мы переживаем вместе!

– Я тебя люблю!

– И я!

Признания скрепили поцелуем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.